

УДК 654.25

БОРЬБА С НРАВСТВЕННЫМИ ИЗЪЯНАМИ В МОРАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ СОСТОЯНИИ БЕЛОГО ОФИЦЕРСТВА В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА ЮГЕ РОССИИ

© 2010 О.А. Постникова

Вольское высшее военное училище тыла (военный институт)

Поступила в редакцию 06.11.2009

В статье кратко характеризуются объективные и субъективные факторы, обусловившие проявление традиций нравственного воспитания офицеров Добровольческой армии (ноябрь 1917–1918) в условиях российской Гражданской войны; анализируется источниковая база исследования по данной проблеме. Ключевые слова: нравственное воспитание; нравственные изъяны; морально-психологическое состояние; “Архив русской революции”; офицеры-добровольцы; офицеры-первопоходники; белое офицерство; Добровольческая армия; Вооруженные силы Юга России; А.И. Деникин.

Исследование проблемы борьбы с нравственными изъянами в морально-психологическом состоянии белого офицерства в годы Гражданской войны на Юге России показывает: властные структуры южнороссийского Белого движения постоянно анализировали морально-психологическое состояние белых офицеров. Полученные результаты использовались в их деятельности в сфере нравственного воспитания белого офицерства. Особое внимание уделялось при этом борьбе с нравственными изъянами в морально-психологическом состоянии белого офицерства. Предпринимались, не без преувеличения сказать, отчаянные попытки локализации бесчинств по отношению к мирному населению – этого одного из самых уродливых проявлений морального разложения белых войск, в том числе и офицеров. При анализе данной проблемы можно также применить этапно-хронологический подход. Причем этапы выделяются аналогичные, указанным выше.

Первый этап – этап формирования Добровольческой армии (ноябрь 1917 – февраль 1918). В это время уже проявились нравственные изъяны в морально-психологическом состоянии белого офицерства. Дело в том, что в ряды Добровольческой армии с первых дней ее существования вступали, кроме идейно-убежденных¹, и те офицеры, которые обладали личностными моральными изъянами. Причем самую большую опасность для морального облика формирующейся Добровольческой армии представляли всевозможные авантюристы, люди без совести и чести, подобные некоему типу, столь ярко описанному офицером-первопоходником Р. Гулем². Нравственные изъяны в облике первых офицеров-добровольцев довольно быстро материализо-

зовались в бессудные расправы над людьми, заподозренными в большевизме. Причем довольно часто, без достаточных на то оснований, что, в частности, отмечает в своих воспоминаниях Р. Гуль. А подчас имели место и проявления явного бандитизма. В Ростове в предновогоднюю ночь некий поручик Михайлов вместе с двумя юнкерами совершил налет на кафе Филиппова³. По-видимому, случаи такого рода были не редкостью, так как через несколько дней в газетах появилось официальное сообщение, предостерегавшее от самочинных обысков именем Добровольческой армии⁴.

Разумеется, формирователи Добровольческой армии вели решительную борьбу с моральными изъянами у тех, кто решил добровольно стать белыми воинами. Деятельность эта строилась в основном с учетом опыта, накопленного в Вооруженных силах Российской империи. Исследование проблемы позволяет выявить ряд причин, которые снижали эффективность борьбы формирователей Добровольческой армии с нравственными изъянами в моральном облике белого офицерства.

1. Формирование Добровольческой армии на Дону, как это ни парадоксально, но факт, проходило почти что в полулегальных условиях. Донское правительство не жаловало добровольцев, а к организаторам Белого движения на Юге России со стороны местных политиков проявлялось настороженное, недружественное, с элементами враждебности отношение. Как следствие, упомянутые выше генералы не могли даже надеть военную форму⁵. Но стремительное наступление красновардейских отрядов на Дон для подавления калединского мятежа ставило казачье правительство в затруднительное положение и заставляло сдерживаться в проведении недруже-

Постникова Ольга Анатольевна, преподаватель специального отделения. E-mail: telec8572@mail.ru

любных акций против Добровольческой армии. Тем не менее А.М. Каледин должен был во взаимоотношениях с добровольцами все время оглядываться на политические круги Дона. Дело дошло даже до такого парадокса: помощь Добровольческой армии в подавлении рабочего восстания была поставлена, как явствует из донесений В.А. Антонова-Овсеенко, некоторыми деятелями правительства Дона в укор атаману⁶.

2. Личные отношения генералов М.В. Алексева и Л.Г. Корнилова были, мягко говоря, до предела натянутыми, что выше отмечалось. Однако хрупкий организм зарождающейся Добровольческой армии, справедливо полагал генерал А.И. Деникин, не выдержал бы удаления любого из бывших Главковерхов. В первом случае (уход М.В. Алексева), армия раскололась бы, во втором (уход Л.Г. Корнилова) она бы развалилась. Между тем им обоим в узких рамках только что начинающегося дела было слишком тесно. А.И. Деникин приложил много усилий для примирения двух генералов, но особых успехов не добился, хотя в конце декабря 1917 г. Л. Г. Корнилов и был официально назначен командующим Добровольческой армией⁷.

3. Формирователи Добровольческой армии не учли в полной мере того, что офицеры-добровольцы, встав в строй, были вынуждены выполнять многие обязанности, отнесенные в классических армиях к компетенции солдат и младших командиров. Это вызывало недоумение, неприятие, внутреннее сопротивление, а также и игру амбиций, уязвляло самолюбие.

И, пожалуй, самая главная ошибка заключается в том, что формирователи Добровольческой армии резко не пресекали эксцессы, связанные с покушением некоторых добровольцев на моральные устои армии, что проанализировано выше. Создается впечатление, что априорное предположение о чувстве высокого патриотизма белых волонтеров как гарантии исключительной дисциплинированности, а также ставка на методы убеждения, применяемые к белым воинам, вступавшим в армию добровольно, несколько дезориентировали командование Добровольческой армии. Оно посчитало эксцессы нетипичным явлением, издержками периода формирования. Видимо, ненависть к противнику, вылившаяся в формы непомерной жестокости, находила в высших эшелонах южнороссийского Белого движения если не оправдание, то, по крайней мере, понимание. Пагубность такого подхода проявится относительно скоро.

Таким образом, на первом этапе борьба с нравственными изъянами в моральном облике офицеров-добровольцев была развернута. Можно сказать, что успехи, достигнутые здесь, стали общим вкладом в тот факт, что Добровольческая армия

была в конечном итоге сформирована. Но уже в тот момент были допущены серьезные ошибки, которые впоследствии негативно отразятся на боевой деятельности самой мощной антибольшевистской силы в Гражданской войне на Юге России.

Второй этап – этап Кубанских походов Добровольческой армии и достижения ею крупных побед (23 февраля - декабрь 1918). Первая составляющая – подэтап второго этапа – Первый Кубанский (“Ледяной”) поход Добровольческой армии (22 февраля – 13 мая 1918). Командование Добровольческой армии, как явствует из текстологического анализа “Первого политического обращения генерала А. И. Деникина к русским людям”, составленного им в станице Лежанка в период Первого Кубанского (“Ледяного”) похода 23 апреля 1918 г.⁸, оценивало морально-психологическое состояние добровольцев как высокое. Для этого имелись основания. Среди белых добровольцев действительно царил в основном здоровый морально-психологический климат. В РГВА хранится очерк неизвестного автора: “Добровольческая армия. Её прошлое, настоящее, будущее”. Говоря о Добровольческой армии периода Первого Кубанского (“Ледяного”) похода, неизвестный автор очерка с гордостью заявляет, что первопроходцам были присущи единая воля к победе, объединяющая командование, штаб и строй. Все были близкими, родными друг другу, “на единодушии строилось взаимное доверие, и воспитывалась непоколебимая стойкость”⁹. Поход давал примеры мужества и благородства добровольцев во взаимоотношениях между собой. Например, полковнику Улагаю была сделана операция по изъятию пули из ноги без хлороформа. Он, посчитав, что рана легкая, уступил место в повозке тяжелораненым, а сам шел пешком¹⁰.

Однако серьезные деформации в морально-психологическое состояние участников Первого Кубанского (“Ледяного”) похода вносила непомерная жестокость, культивируемая буквально с первых дней боевых действий. “Все большевики, захваченные нами с оружием в руках, – писал А. Суворин, – расстреливались на месте: в одиночку, десятками, сотнями. Это была война “на истребление””¹¹. Но основная масса жертв имела с большевизмом мало общего. Об этом свидетельствуют воспоминания Р. Гуля. После занятия станицы Лежанка в легком бою сразу же было расстреляно 50–60 человек. Всего было уничтожено 507 человек, причем большинство в результате бессудных расстрелов¹². Даже А.И. Деникин, в чьем описании “Ледяной поход” впоследствии приобретает эпические черты, подчеркивал, что “диапазон” понимания большевизма большей частью офицеров “имел весьма широкие размеры”¹³.

Следовательно, на первом подэтапе в рассматриваемой деятельности появилась тенденция к гармонизации мер убеждения и принуждения. Однако последовательности и настойчивости здесь явно не хватало. Надо признать: в конечном итоге не были приняты меры по локализации зверств по отношению к мирному населению. Более того, эти зверства еще и стимулировалось приказами генерала Л.Г. Корнилова. И здесь не что иное, как компрометация белой идеи. Выходит, что нельзя вести речь об эффективности борьбы с нравственными изъянами в моральном облике белых волонтеров. Начинались скрытые процессы будущего обвального разложения белых войск.

Вторая составляющая – подэтап второго этапа – пространственно-временной интервал между Первым Кубанским (“Ледяным”) и Вторым Кубанским походами Добровольческой армии (вторая половина мая – июнь 1918). Направление сосредоточения основных усилий в борьбе с нравственными изъянами в моральном облике белых волонтеров было выбрано, судя по результатам текстологического анализа третьего тома деникинских “Очерков Русской Смуты”¹⁴, следующее: разобраться, в чем причина оттока белых офицеров из армии, и выработать меры по его прекращению. Причем это происходило в обстановке, когда, по меткой характеристике генерала А.И. Деникина, Добровольческая армия жила на “чужой” территории, представляя “своеобразный бытовой и военный организм, пользовавшийся полным государственным иммунитетом”¹⁵. Меры, упомянутые выше, были выработаны и проведены в жизнь.

Эти мероприятия давали весомые основания предъявлять белому офицерству более высокие требования к их моральному облику. Не случайно, армия вышла подготовленной во Второй Кубанский поход.

Третья составляющая – подэтап второго этапа – Второй Кубанский поход Добровольческой армии и ее дальнейшие боевые действия (конец июня – декабрь 1918). В частях первой линии морально-психологическое состояние белого офицерства являлось высоким. Ведь иногда в боях у добровольцев не было даже патронов. Их добывали, как явствует из боевых сводок, в бою у красных после штыковых атак и рукопашного боя¹⁶. При этом заметим, что, в отличие от белых добровольцев, красные части, противостоящие им во Втором Кубанском походе, были деморализованы. И после взятия Екатеринодара Добровольческая армия, несмотря на понесенные огромные потери, еще более окрепла: она имела в своем составе 12 тыс. человек, 40 орудий, 200 пулеметов¹⁷. А к середине августа 1918 г., по данным разведки красных, ее численность уже достигала 20 тыс.

человек¹⁸. Причем процесс количественно-качественного укрепления армии шел по восходящей линии. Несмотря на тяжелые потери Добровольческая армия насчитывала после Второго Кубанского похода 40 605 штыков и сабель¹⁹.

К концу же 1918 г. генерал А.И. Деникин довел численность своей армии, по его личной оценке, примерно до 60 000 человек²⁰. Она была сведена в 3 армии и 2 конных корпуса. Ей к концу 1918 г. противостояла на Северном Кавказе группировка красных, насчитывающая, по данным Г.К.Орджоникидзе, не менее 150 000 тысяч человек²¹, слабых, однако, по морально-психологическим и военно-профессиональным качествам.

Следовательно, на рассматриваемом подэтапе командование Добровольческой армии, решая анализируемую нами задачу, добилось определенных успехов. Но все так же остро стояла проблема обуздания непомерной жестокости по отношению и к мирному населению, и к противнику. Усилия в данной связи принимались вялые.

Третий этап – этап достижения ВСЮР наибольших военных успехов, их разгром РККА и эвакуация остатков белых войск в Крым (январь 1919 – март 1920). Первая составляющая-подэтап – время достижения ВСЮР наибольших успехов (январь 1919 – октябрь 1919). В это время имелись серьезные изъяны в нравственном облике белого офицерства. Например, в апреле 1919 г. пала Одесса. Бригада генерала Н.С. Тимановского, ее оборонявшая, прорвалась в Румынию, и там была интернирована. ОСВАГ доложил Главкому о панике во время эвакуации Одессы, свидетельствовавшей о разложении войск²². Причем ОСВАГ все чаще докладывал Главкому о нежелании многих офицеров влиться в состав ВСЮР²³. Более того, в одной из секретных сводок ОСВАГ отмечается, что среди “отчаявшихся, окончательно удрученных офицеров раздаются голоса о необходимости ехать служить в совдепию, где хорошо платят”²⁴.

После того, как ВСЮР окончательно захватили стратегическую инициативу (к июню 1919) и А.И. Деникин начал успешный поход на Москву, проблемы в морально-психологическом состоянии военнослужащих тем не менее оставались. Наблюдалось, например, падение нравов у генералитета – пьянство, воровство²⁵. Об этом ОСВАГ регулярно докладывал Главкому²⁶, также как и о том, что среди офицеров появились случаи уклонения от службы. Так, в Константинополе офицеры Особой Русской армии, по данным французского командования, просто разбежались, чтобы не быть зачисленными в Добровольческую армию²⁷.

Кроме того, армия опозорила себя развязанной вакханалией бесчинств по отношению к местному населению. Так, за период с июня по ок-

тябрь 1919 г. деникинцы казнили бессудно 9 303 человека²⁸. Особенно страдало от зверств еврейское население²⁹. Такое поведение снимало с добровольцев в глазах всего населения ореол героев и становилось мощным побудительным мотивом для сопротивления. Особенно следует заострить внимание на таком обстоятельстве: несмотря на то, что наиболее дальновидные и порядочные командиры использовали жесткие меры в борьбе с разбоем, ОСВАГ все чаще докладывал А. И. Деникину, что со стороны властей и командования в этом отношении серьезных мер не принимается³⁰. Это при том, что ОСВАГ снабжал А. И. Деникина подробной информацией обо всех негативных явлениях, где особенно подчеркивалось, что большевики виновников подобных злодеяний “безжалостно расстреливают на месте”³¹.

Конечно, А.И. Деникин осознал опасность ситуации. Он пытался переломить ее в лучшую сторону. Например, в печати было опубликовано его обращение к мирным жителям, где обещалось прекратить насилие и грабежи. Генерал снял с должностей ряд командиров за пассивность в пресечении насилия и грабежей. Создавались чрезвычайные комиссии по проверке фактов разбоя на местах, полномочные принимать экстренные меры. Категорически запрещены расстрелы красноармейцев, сдавшихся в плен, а также любые самочинные расстрелы; поощрялись смертные приговоры военно-полевых судов насильникам и грабителям³². А.И. Деникин послал секретный циркуляр по войскам, где особо отмечал, что “безудержный, оставшийся безнаказанным, благодаря попустительству высших начальствующих лиц, произвол различных представителей власти губит то великое дело – возрождение России, которое начато и скоро должно быть завершено безмерными трудами Добровольческой армии”³³. Он потребовал, чтобы виновные “карались самым беспощадным образом, невзирая на их боевые заслуги”³⁴. Но на практике в войсковых частях эффективных мер принято не было. Даже, например, в элитном Корниловском ударном полку, по данным советской военной разведки, командование грабежей не пресекало³⁵.

Можно сказать, что в отдельных случаях боевые действия велись не с целью достижения победы над противником, а, как это ни парадоксально, для личного обогащения. Показателен в данной связи “рейд Мамонтова”. 4-й Донской корпус генерала К.К. Мамонтова, совершив глубокий рейд, занял 29 августа 1919 г. Воронеж. Рейд нанес сильный военный и моральный ущерб советским войскам, о чем было доложено В.И. Ленину³⁶. Но, как считал А. И. Деникин, корпус, обремененный огромным количеством добычи, не смог развернуть энергичную боевую деятельность.

Вторая составляющая-подэтап – время разгрома ВСЮР РККА и эвакуация остатков белых войск в Крым (ноябрь 1919 – март 1920). И тогда принимались некоторые меры в сфере борьбы с нравственными изъятиями в моральном облике белых офицеров. Как показывает, к примеру, контент-анализ и факторный анализ секретных сводок, представляемых ОСВАГ Главкому ВСЮР, в около 62% семантических единиц текста и речевых конструкций³⁷ в той или иной степени, обращается внимание генерала А.И. Деникина на необходимость принятия жестких мер к белым офицерам, подрывающим своими деяниями моральные устои³⁸. Основной упор в практической деятельности был сделан, судя по анализу архивных и опубликованных источников и литературы, на методах принуждения. Так, наиболее последовательную позицию здесь занимал оппонент Главкома ВСЮР генерал П.Н. Врангель. Он всегда, без колебания, утверждал смертные приговоры военно-полевых судов, которые выносились насильникам и грабителям, в каких бы чинах они не находились³⁹. Однако данные меры – запоздалые меры. Они не могли переломить критическую ситуацию.

Исследование рассматриваемой проблемы позволяет выявить ряд причин, которые существенно ослабляли результативность борьбы командования ВСЮР с нравственными изъятиями в моральном облике белых офицеров на исследуемом подэтапе:

1. Необходимость привлечения войск для подавления восстаний в тылу. Тыловые части не справлялись с повстанцами. А.И. Деникин был вынужден оттягивать с фронта для борьбы с ними верные ему войска. К началу августа 1919 г. 8 дивизий были сосредоточены в ближайшем и глубоком тылу, проводили карательные операции на Северном Кавказе и Донбассе. Это была почти $\frac{1}{3}$ сил и средств ВСЮР⁴⁰. И личный состав войск, привлекаемых для карательных операций, уже не мог войти в привычные уставные рамки, в которых находятся боевые части.

2. Подрыв нравственных устоев стремлением начальников к созданию “частей особого назначения”. В Кавказской армии П.Н. Врангеля – летучий отряд особого назначения, имевший довольно темное назначение (борьба с крамолой). “Волчи сотни Шкуро” – его личная гвардия⁴¹ и др.

3. Не только пассивность властей и военного командования в пресечении случаев бесчинств по отношению к местному населению, но иногда даже поощрение противоправных акций. Например, ставропольский генерал-губернатор П.В. Глазенап на жалобу городского головы о грабежах ответил, что он это находит

вполне справедливым: “Раньше они грабили, пусть теперь их грабят”⁴².

4. Стимулирование немотивированной жестокости белых офицеров некоторыми командирами. Среди генералов ВСЮР были и люди буквально с садистскими наклонностями. Наиболее одиозная фигура здесь – генерал В.Л. Покровский, печально прославившийся своими зверствами. Это ему принадлежит циничный афоризм: “Вид повешенного оживляет ландшафт и повышает аппетит”.

5. Отсутствие должного уровня гласности в борьбе с теми, кто грубо попирает законы. Если пленных чекистов и комиссаров вешали на городских улицах публично, то своих преступников старались ликвидировать незаметно⁴³.

Итак, на третьем этапе государственные органы, главное командование ВСЮР проводили некоторую работу в сфере борьбы с моральными изъянами в нравственном облике белых офицеров. Но серьезных успехов достигнуто не было. При этом это непосредственно отразилось и на ходе боевых действий ВСЮР – их поражениях.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Побудительные мотивы таких офицеров кратко, но емко сформулировал генерал С.Л. Марков: “Лучше смерть, чем рабство в униженной и оскорбленной Родине” (ГА РФ. Ф. р-5827. Оп. 1. Д. 92. Л. 16–17).

² “К-ой в мирное время был артистом плохого шантана; глядя на него, я часто думал: что привело его в белую армию? Погоны? Случайное офицерство? И мне казалось, что ему совершенно все равно, где служить: у “белых” ли, “у красных” ли, грабить и убивать везде было можно” (Гуль Р. Ледяной поход (с Корниловым). М., 1990. С. 11).

³ См.: Ростовская речь. 1918. 3 янв.

⁴ См.: Там же. 6 янв.

⁵ См.: Гуль Р. Указ. соч. С. 26, 36.

⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 34. Д. 115. Л. 3–4.

⁷ Более подробно см.: Федюк В. П. Белые: антибольшевистское движение на Юге России. М., 1996. С. 21–23; Ипполитов Г. М. Военная и политическая деятельность

А. И. Деникина (1890–1947 гг.): Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2000. С. 239–240.

⁸ ГА РФ. Ф. р-5827. Оп. 1. Д. 64. Л. 6–7.

⁹ РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 2 а. Л. 3 об.

¹⁰ Суворин Бор. Героическая эпоха Добровольческой армии. Берлин, 1922. С. 101–102.

¹¹ Суворин А. (Алексей Прошин). Поход Корнилова. 2-е изд. Ростов-н/Д., 1918. С. 33.

¹² Гуль Р. Указ. соч. С. 32.

¹³ Деникин А. И. Указ. соч. Т. II. С. 315.

¹⁴ См.: Деникин А. И. Указ. соч. Т. III.

¹⁵ Деникин А. И. Указ. соч. Т. III. С. 226.

¹⁶ ГА РФ. Ф. 446. Оп. 2. Д. 127. Л. 3; Д. 30. Л. 1.

¹⁷ ГА РФ. Ф. р-5827. Оп. 1. Д. 52. Л. 10.

¹⁸ РГВА. Ф. 100. Оп. 1. Д. 37. Л. 11.

¹⁹ РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 4. Л. 4–6.

²⁰ РГВА. Ф. 49308. “Varia”. Оп. 1. Д. 22. Л. 2.

²¹ ГА РФ. Ф. р-9503. Оп. 1. Д. 55. Л. 14.

²² См.: Архив русской революции. Т. 16. С. 232–234.

²³ ГА РФ. Ф. 446. Оп. 2. Д. 40. Л. 16.

²⁴ ГА РФ. Ф. 446. Оп. 2. Д. 40. Л. 217.

²⁵ РГВА. Ф. 40308. “Varia”. Д. 35. Л. 1.

²⁶ ГА РФ. Ф. 446. Оп. 2. Д. 695. Л. 263.

²⁷ ГА РФ. Ф. 446. Оп. 2. Д. 2. Л. 29.

²⁸ См.: Ипполитов Г. М. Указ. соч. С. 267.

²⁹ См.: Воронович Н.В. Зеленые повстанцы на Черноморском побережье Кавказа // Революция и гражданская война в описаниях белогвардейцев. М., 1991. С. 160.

³⁰ ГА РФ. Ф. 446. Оп. 2. Д. 111. Л. 62.

³¹ РГВА. Ф. 39669. Оп. 1. Д. 127. Л. 55, 64, 67; Д. 160. Л. 1.

³² Более подробно см.: Ипполитов Г. М. Указ. соч.

³³ РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 8. Л. 2.

³⁴ Там же. Л. 3.

³⁵ РГВА. Ф. 100. Оп. 2. Д. 136. Л. 119.

³⁶ РГАСПИ. Ф.5. Оп. 1. Д. 2550. Л. 13.

³⁷ За единицу подсчета брался один абзац текста. – Примеч. автора.

³⁸ РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 388. Л. 11–14 об. Д. 389. Л. 2–5. ГА РФ. Ф. 446. Оп. 1. Д. 33. Л. 27; Оп. 2. Д. 115. Л. 11, 24, 27–29 об.

³⁹ ГА РФ. Ф. р-5853. Оп. 1. Д. 1. Л. 31; РГВА. Ф. 100. Оп. 1. Д. 38. Л. 99 об; см.: Парус (Ростов – н/Д). 1919. 29 нояб.

⁴⁰ См.: Директивы командования фронтов Красной Армии. Т. 4. С. 483.

⁴¹ ГА РФ. Ф. 446. Оп. 2. Д. 41. Л. 24; Ф. р-5827. Оп. 1. Д. 105. Л. 6.

⁴² Цит. по: Четыркин А. Развал и разложение армий Деникина // Исторические записки. Т. 12. М., 1941. С. 29.

⁴³ См.: Лехович Д. Белые против красных: судьба генерала Антона Деникина. М., 1992. С. 236.

FIGHT AGAINST DRAWBACKS IN THE WHITE ARMY MORALE DURING THE CIVIL WAR IN SOUTH RUSSIA

© 2010 O.A. Postnikova

Volsk Higher Military School of Rear (Military Institute)

The article covers objective and subjective factors which caused the manifestation of moral upbringing traditions of the Russian Volunteer Army officers (November 1917–1918) during the Civil War in Russia. The original sources are analyzed.

Key words: moral upbringing; moral drawbacks; morale; “the Archives of the Russian Revolution”; volunteer officers; officers – participants of the First Campaign, White officers; the Volunteer Army; the Armed Forces of the South of Russia; A.I. Denikin.